

Г Л А В А ХХІІ.

Въ Польскую войну.

(1831 г.).

Изъ Дмитрова на кантонирь-квартиры полкъ выступилъ 21-го января и 30 числа того же мѣсяца штабъ прибылъ въ городъ Каширу; баталіоны расположились: 1-й въ селѣ Одинцовѣ, 2-й въ селѣ Вяжищахъ.

Наконецъ, то теперь только могъ г. м. Фрикенъ вновь приняться за свое излюбленное дѣло муштровки. И ждать не пришлось долго. Передъ нами приказъ отъ 18 февраля,² объявляющій уже результаты двухнедѣльных смотровъ прямо съ похода. Вотъ что читаемъ въ немъ:

«Осмотрѣвъ полки дивизіи инспекторскимъ смотромъ съ величайшимъ неудовольствіемъ, объявляю слѣдующее: вообще воѣ полки найдены въ слабомъ состояніи. Хотя служба при оцѣвленіи по случаю холеры много мѣшала занятіямъ, тѣмъ не менѣе послѣ кордоновъ полки имѣли достаточно времени. Въ Рязанскомъ полку лазаретныя вещи по сіе время не пополнены, хотя и послѣдовало предписаніе высшаго начальства не стѣсняться приведеніемъ къ исправленію всѣхъ недостатковъ, ибо деньги за сдачу полка будутъ высланы.»

Несомнѣнно и радъ бы былъ подполковникъ Ганкевичъ помочь горю; да такія ли были времена? До того ли было?

Уже 16 февраля по Высочайшему повелѣнію приказано 3-й баталіонъ причислить къ Модлинскому пѣхотному полку, а взамѣнъ его сформировать новый подъ прежнимъ названіемъ резервнаго.³ 3-й ба-

таліонъ квартировалъ тогда въ Полтавской губерніи, Корольковскомъ повѣтѣ: штабъ въ с. Семеновкѣ, 3-я гренад. и 7 мушк. роты въ с. Черничьемъ, 8 мушк. въ с. Устиловкѣ, 9 мушк. въ Буромкѣ.⁴ Здѣсь Рязанцы 3-го баталіона, хотя и удаленные отъ очага полковой жизни, теперь окончательно порвали связь съ роднымъ полкомъ. Формированіе заново 3-го резервнаго баталіона потребовало, конечно, не мало хлопотъ, тѣмъ болѣе, что и происходило оно вдали отъ полка въ Московской губерніи въ селѣ Ивановскомъ. Туда съ 10 по 14 апрѣля полкъ выдѣлилъ изъ рядовъ своихъ 400 человекъ. Командиромъ баталіона назначенъ былъ капитанъ Карцевъ; въ 7, 8 и 9-й мушкатерскихъ ротахъ офицеровъ вовсе не имѣлось, въ 3-й гренадерской ихъ состояло два—поручикъ Лагода 3-й и прапорщикъ Герценъ.⁵

Вообще недостатокъ офицеровъ былъ весьма ощутителенъ, да и возня съ ними не прекращалась то по теоретическимъ испытаніямъ, то по аттестациямъ и старшинству, а все изъ-за тѣхъ же премудростей муштровки. Такъ, новый командиръ полка, аттестовавъ хорошо подпоручиковъ Ломаковского и Бабыкина, ротъ имъ не давалъ, напротивъ, командованіе 5-й ротой поручилъ младшему подпоручику Макалинскому. Это вызвало бурный приказъ начальника дивизіи, требующій передачи роты старшему или же удаленію его со службы. Конечно, весьма справедливое замѣчаніе. Но съ другой стороны, что же оставалось дѣлать подполковнику Ганкевичу? Много ли въ его распоряженіи находилось офицеровъ и видныхъ собою и постигающихъ премудрости хитраго тогдашняго строя? Скоро, однако, хотя и на короткое время только, муштровка должна была прекратиться. Война въ Польшѣ, вопреки всѣмъ предположеніямъ, затягивалась. Причинами того были: разброска русской арміи на значительной территоріи нашего Отечества, внезапность войны, плохое устройство продовольственной части, пренебрежительное отношеніе къ врагу и, наконецъ, стратегическія ошибки главнокомандующаго гр. Дибича.⁶

Вспыхнувъ въ центрѣ Польши—въ Варшавѣ, искра революціи, во время непотушенная, превратилась въ грозное пламя.

Волынь, Подолія, Литва, Самогитія объяты были бунтомъ; ежели къ этому прибавимъ броженіе черни внутри Россіи по случаю холеры,

да бунты военныхъ поселянъ, получимъ вѣрную картину состоянія нашего Отечества въ началѣ 1831 года.

Неудивительно поэтому, что значительная часть войскъ, а въ томъ числѣ и нашъ полкъ оставался во внутреннихъ губерніяхъ, во второй линіи, ожидая со дня на день выступленія въ походъ. А дѣла, между тѣмъ, усложнялись. Явились опасенія за тылъ дѣйствующей арміи, за ея сообщенія съ Россіей, угрожаемыя возстаніемъ въ Литвѣ и Самогитіи. Шайки писургантовъ бродили повсюду, простирали свои операціи даже до Динабурга, мѣшая въ особенности правильному подвозу продовольствія. Частныя неудачи наши на главномъ театрѣ войны возвышали духъ ихъ.

Дабы положить предѣлъ такому состоянію необходимо было очистить Литву, прикрыть сообщенія и тылъ войскъ, оперирующихъ на Вислѣ.

Первыми вѣстниками скорого военного похода были состоявшіяся въ серединѣ марта распоряженія передвинуться полку для занятія карауловъ въ Москву, а затѣмъ въ Смоленскую губернію.

«При предстоящемъ передвиженіи, писалъ г.-м. Фрикенъ,⁷ строго наблюдать, черезъ рѣки въ опасное время отнюдь не переправляться. По прибытіи по назначенію озаботиться сформированіемъ и обмундированіемъ резервныхъ баталіоновъ, помѣщая ихъ около полковыхъ штабовъ, равно и весь полкъ на тѣсныхъ квартирахъ; давъ людямъ 10 дней отдыха, составить учебныя команды, а прочихъ начать обучать шереножному обученію, разсыпному строю и стрѣльбѣ въ цѣль».

Послѣдняя уступка сдѣлана очевидно въ вилу надвигавшейся грозы. Но и учебныя команды и Московскіе караулы пришлось отставить. Формированіе 3-го резервнаго баталіона, какъ мы уже знаемъ, началось спѣшно вдали отъ полка, а 17 апрѣля Рязанцы выступили изъ Каширы, направляясь къ городу Дорогобужу, Смоленской губерніи. Въ Каширѣ при полковыхъ тяжестяхъ оставлены съ командою поручики: Кубышевъ и Федоровъ. Полкъ тронулся въ составѣ: 3 штабъ-офицеровъ, 32 оберъ-офицеровъ, 81 унт.-офицера, 63 музыкантовъ и 1145 рядовыхъ.⁸

Въ самомъ началѣ похода, еще при сборѣ баталіоновъ къ штабу полка, 3 апрѣля приключился несчастный случай, непредвидѣнный

заботливымъ начальствомъ,—на переправѣ черезъ рѣку Безпуту уто-
нулъ унтеръ-офицеръ 6 мушкатер. роты Захаръ Худукинъ.⁹

Между тѣмъ, на маршѣ получено Высочайшее повелѣніе, состо-
явшееся въ 25 день апрѣля, о сформированіи особой резервной арміи
генерала отъ инфантеріи графа Толстого, къ составу которой припи-
сленъ Рязанскій полкъ.

Предназначенныя въ резервную армію войска, кромѣ нашего 4-го
корпуса, а также 2-й кавалерійскій корпусъ, и резервные баталіоны
и эскадроны полковъ, дѣйствующихъ въ Польшѣ, скоро собраться не
могли. Царившій повсюду хаосъ, огромныя разстоянія при отчаян-
ныхъ дорогахъ въ весеннюю распутицу ставили такія препятствія,
что прошло почти два мѣсяца прежде, чѣмъ резервная армія прояви-
ла, наконецъ, настоящую боевую дѣятельность.

Весь этотъ періодъ сбора былъ для полка до нельзя страннымъ,
полумирнымъ, полубоевымъ положеніемъ.

Двигаясь на Серпуховъ, Малоярославецъ, г. Медынь, полкъ 1 мая
остановился ненадолго въ с. Знаменскомъ, Юхновскаго уѣзда, от-
куда перешелъ въ Дорогобужь.¹⁰

Незначительный сравнительно маршъ не обошелся безъ замѣчаній,
коснулись они главнымъ образомъ формы одежды и порядка движенія.
«Нижніе чины чуть ли не поголовно носятъ нанковые брюки разныхъ
цвѣтовъ, а на шеѣ шелковыя платки; замѣчено также, что при пол-
кахъ слѣдуютъ солдатскія жены и тѣмъ умножаютъ своими повозками
обозъ. Сіе строжайше запрещаю, писалъ г.-м. Фрикенъ,¹¹ а женъ пред-
лагаю отправить на прежнія квартиры, въ Тульскую губернію, или
снабдить ихъ паспортами съ тѣмъ, чтобы онѣ уже не слѣдовали
съ полками».

Конечно, одно и другое вытекало изъ существующихъ поряд-
ковъ и не было явленіемъ случайнымъ. Мундирную одежду берегли,
въ ней ощущался большой недостатокъ, о женахъ надлежало по-
заботиться еще въ Каширѣ, иначе что же оставалось дѣлать старо-
му семейному солдату. Полковое начальство, само безсильное, смот-
рѣло сквозь пальцы на такія нарушенія. Какъ бы тамъ ни было,
но полкъ благополучно достигъ намѣченнаго пункта. Съ похода да-

но 5 дней отдыха, а затѣмъ принялись послѣпно формировать учебную команду, чинить и приводить въ порядокъ обмундированіе. Въ учебную команду приказано отъ каждой роты назначить по одному унтеръ-офицеру и 4 рядовыхъ, да въ запасъ имъ, на случай болѣзни, еще по 1 унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ.

«По доведенію первыхъ до надлежащаго успѣха, предписывалъ начальникъ дивизіи, таковыхъ по ротамъ расцѣпить, а изъ запасныхъ составить новую команду съ добавкой отъ ротъ до полного комплекта.» Наврядъ ли, однако, удалось полку собрать учебную команду. Спустя 5 дней, послѣ состоявшагося о томъ приказа, Рязанцы 11 мая покинули уже Дорогобужъ, 14 числа были въ Смоленскѣ, а тамъ все дальше безостановочный походъ.

Взамѣнъ учебныхъ командъ г. м. Фрикенъ распорядился тогда устраивать на дневкахъ, «преимущественно по нынѣшнимъ обстоятельствамъ» егерскія ученія, а когда переходы незначительные, то и стрѣльбу въ цѣль.¹²

Не клеилась все же такія занятія. Пятнадцать лѣтъ саникомъ систематическаго вколачиванія правилъ бездушной муштровки засосали нашихъ командировъ. Бумага одно, а требованія другое. Имъ не вѣрили, да и справедливо, наши молодцы.

И вотъ на порогъ объятаго пламенемъ бунта Литвы мы все по прежнему коротали время на дневкахъ въ одиночной выправкѣ, маршировали по раздѣленіямъ да въ ружейныхъ приѣмахъ. Всполнилось начальство. Это теперь вовсе не умѣстно! раздались крики. И пошли предписанія:¹³ впредь ученіе разъ въ день не болѣе 2-хъ часовъ, стрѣльба и разсыпной строй два дня сряду, а 3-й день баталіонное ученіе. Въ субботу, воскресенье и праздничные дни читать обязанности солдата и полевую службу. Занятія по полевой службѣ вести такъ, чтобы съ толкованіемъ прочитывать всѣ параграфы, особенно статьи съ 169. (Наст. по обученію саперъ и пѣх. баталіоновъ Высоч. утвержденное въ 1818 году). «Ежели бы въ ротяхъ не было сихъ статей, говорилось въ приказѣ, то снабдить ихъ записками изъ упомянутой книги.»

Но могла ли быть польза отъ такого обученія столь важному дѣлу?

И по времени, и по обстановкѣ, и по всей совокупности предшествующихъ военной грозѣ порядковъ надлежить считать его запоздалымъ. Оставалась лишь неизмѣнной, никогда не сдающей данной богатырской мощь, удалъ русскаго солдата. На нее пришлось только положиться, на нее рассчитывать.

Не лучше обстояло и съ другимъ важнымъ отдѣломъ въ подготовительный періодъ сосредоточенія войскъ,—съ продовольствіемъ. Выступивъ изъ Смоленска 16-го мая, Рязанцы въ Сморгони должны были соединиться съ Рязскимъ полкомъ и въ общей бригадной колоннѣ г. м. Фридерикса слѣдовать до города Ошмянъ.

Путь нашъ лежалъ теперь по тракту Минской губерніи, издавна извѣстной бѣдностью жителей. На приварокъ отъ нихъ рассчитывать не приходилось.

Заботливое начальство, правда въ виду большого скопленія войскъ, заранѣе предупреждало объ этомъ, снабдило даже полки просгранной инструкціей для слѣдованія, но какъ, откуда добыть продовольствіе предоставлялось усмотрѣнію ближайшаго, чуть ли не до взводныхъ командировъ, начальства. Мясо предписано полку заготовить на дневкахъ, а свѣжее свиное сало на ночлегахъ; имѣть всегда свой хлѣбъ или сухари и этимъ избѣгать сворачивать роты съ дороги въ деревни на пить и болѣе верстъ, какъ это нерѣдко случалось. Этимъ и ограничивалась инструкція.¹⁴

Неудивительно, что какъ могли—такъ и старались подчиненные; не умирать же съ голоду?

По пути движенія раздался вопль необыкновенный.

«До свѣдѣнія моего дошло, грозно писалъ г. м. Фрикенъ,¹⁵ что нижніе чины позволяютъ себѣ брать отъ обывателей барановъ, свиней, куръ, гусей и проч. вещи безъ денегъ. Быть можетъ и жители многое прибавляютъ, чего не было. Имѣть, однако, за таковыми, не свойственными русскому солдату, поступками бдительный надзоръ, дабы дисциплина и сама воинская честь не пострадала. За таковые проступки разрѣшаю бригаднымъ командирамъ наказывать безъ суда прогнаніемъ черезъ 500 ч. шиншутенами одинъ разъ, унт.-офицеровъ предавать суду, о ротныхъ командирахъ доносить мнѣ.» Какъ ни строги

были принимаемыя мѣры, положеніе не улучшилось однако, что ясно свидѣлствуетъ безвыходное состояніе солдата.

Въ этомъ вскорѣ могъ лично убѣдиться г. м. Фрикентъ. Грабежи на дневкахъ и ночлегахъ стали постояннымъ явленіемъ, они проходили тутъ же на глазахъ начальства.

«Предпримемъ мѣры, иначе наша репутація страдаетъ, читаемъ въ одномъ изъ приказовъ,¹⁶ Его Величество щедро обезпечить продовольствіемъ нижнихъ чиновъ и если полковые командиры заблаговременно все заготовятъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то зло исчезнетъ.»

Грабителей приказано предавать полковому суду и кончать дѣло въ 24 часа. Изъ такой отчаянной обстановки вытекала бездна и другихъ преступленій, число побѣговъ въ полку неслышанно увеличивалось. Въ началѣ похода ихъ было всего шесть, въ іюлѣ число бѣжавшихъ достигло 30 человѣкъ и въ послѣдующіе мѣсяцы не опускалось ниже 21.¹⁷

Количество арестованныхъ возрастало, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ; полки мало-по-малу превратились въ сплошной караулъ, что вызвало, наконецъ, распоряженіе:¹⁸ «при предстоящемъ переходѣ черезъ Вильно доставить отъ всѣхъ полковъ арестантовъ въ Рязанскій полкъ, а дивизионному оберъ-аудитору Иванову, по принятіи ихъ отъ Рязанскаго полка, сдать арестантовъ подъ квитанцію въ Виленскій Ордонансъ-Гаузъ и тѣмъ освободить дивизию отъ лишнихъ карауловъ.»

Для полной обрисовки похода необходимо замѣтить, что проходилъ онъ при господствующей повсемѣстно холерѣ; съ жителями нижнимъ чинамъ строжайше воспрещено было имѣть сношеній: «если же воинскіе чины окажутся; чего Боже сохрани, съ подозрительными признаками сей болѣзни, то таковыхъ тотчасъ же отдѣлять отъ здоровыхъ и возить особенно. Подозрительныхъ сдавать по тракту въ больницы.» Главнымъ средствомъ противъ холеры считалась водка. настоенная на стручковомъ перцѣ, она рекомендована была особой инструкціей, какъ убережъ себя отъ простуды и прочихъ затѣмъ болѣзней и изнуренія.¹⁹

Въ Опшяны полкъ прибылъ 21 мая, имѣя въ рядахъ своихъ на лицо: 3 штабъ-офицера, 30 оберъ-офицеровъ, 78 унтеръ-офицеровъ, 62 музыканта и 1126 рядовыхъ. Отъ Опшянъ движеніе все еще совершалось по правиламъ мирнаго времени, но на почлегахъ полкъ располагался уже по возможности сосредоточенно въ сараяхъ; къ штабу полка назначалась очередная караульная рота, «да въ случаѣ необходимости хоть часть полка была въ готовности.»²⁰

Въ окрестностяхъ мѣстечка Красное Рязанцы совмѣсто съ Рязскимъ полкомъ отдыхали два дня, принявъ все мѣры охраненія. Каждый полкъ нарядилъ караульную роту, которыя выставили по дорогамъ пикеты, ночью двойные посты и патрули. Командиръ караульной роты считался дежурнымъ по части. Отъ гренадерской и карабинерной ротъ ставились часовые къ паркамъ, знаменамъ, денежному ящику и къ генераламъ.

Ночью людямъ запрещено раздѣваться, а ружья и амуниція должны были быть близко подъ рукою. Въ каждой ротѣ имѣлись дежурные офицеры и унтеръ-офицеры, кромѣ того дневальные.²¹ Отдыхъ у м. Красное всецѣло посвященъ осмотру оружія, амуниціи, обмундированія; люди помылись въ баняхъ,—однимъ словомъ, это была подготовка къ имѣющимъ открыться военнымъ операціямъ.

5 іюня по генераль-маршу, пробитому въ 2 часа пополудни, Рязанцы потянулись на сборное мѣсто бригады м. Красное, откуда въ 3 часа выступили въ м. Гродекъ.

На слѣдующій день полкъ въ составѣ бригады перешелъ къ м. Волочкину, а 7 іюня съ 3 часовъ утра направилъ маршъ до м. Богданова и на привалѣ въ тотъ же день соединился съ другими полками 15 пѣхот. дивизіи. Патронные ящики слѣдовали теперь не въ общемъ вагенбургѣ, а за своими полками. Обозъ прикрывался командой по 1 унтеръ-офицеру и 10 рядовыхъ отъ каждаго полка подъ начальствомъ дивизионнаго вагенмейстера маіора Савельева.²²

У мѣстечка Табуринки 7 іюня 15 пѣх. дивизія цѣликомъ стала бивакомъ, закончивъ такимъ образомъ свое сосредоточеніе къ предѣламъ бунтующей Литвы²³. Въ моментъ появленія нашихъ баталіоновъ на Литовскомъ театрѣ войны, дѣла тамъ для Россіи приняли, было уже довольно благопріятный оборотъ.

Двинутыя въ Литву послѣ Остроленскаго сраженія польскія войска, подъ командою гг. Гелгуда, Хлаповскаго, Шимановскаго, Дембинскаго и Роланда, не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи регулярной кавалеріи 21 эс., пѣхоты 22 бат. и 35 орудій, при среднемъ составѣ баталіона 600 — 800 человѣкъ, эскадрона 140 — 160 чел., а всего свыше 16 тыс., поляки не сумѣли воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ.²⁴ Главнокомандующій Гелгудъ медленно, но за то торжественно шествовалъ по, объятай пламенемъ мятежа, странѣ, повсюду возбуждая несбыточныя надежды; къ нему сбѣжали отовсюду вооруженныя пиками, косами, а частью и ружьями жители, что довело польскій корпусъ почти до 35 т. человѣкъ. Достигнувъ Вильны, поляки, подъ стѣнами этого города, на Понарескихъ высотахъ потерпѣли первое пораженіе, въ безпорядкѣ отступили на Ковно и Яново, не преслѣдуемые, къ сожалѣнію, русскими войсками, въ то время еще только стягивавшимися къ Вильно.²⁵

Обезкураженный неудачей Гелгудъ все таки рѣшилъ держаться за линіей рѣкъ Свенты и Виліи на пространствѣ отъ Вилькомира до Ковно, занять Полянгенъ, сохраняя связь съ Царствомъ Польскимъ черезъ Августовское воеводство, и организовать боевыя силы Самогитіи. Но участь возстанія была уже окончательно рѣшена.

8 іюня изъ Минска въ Вильно прибылъ напѣ главнокомандующій графъ Толстой; 10 іюня туда стянулась резервная армія въ числѣ 23400 ч. пѣхоты съ ихъ артиллеріей, 5500 чел. кавалеріи и 1500 казаковъ.²⁶

Цѣль, поставленная намъ, заключалась: а) отрѣзать поляковъ отъ Царства Польскаго; б) вытѣснить ихъ изъ большихъ лѣсовъ на открытыя пространства Россіенскаго, Шавольскаго и Тельшевскаго уѣздовъ, в) разбить или въ крайнемъ случаѣ прогнать въ Пруссію. Для этого войска раздѣлены на двѣ колонны: лѣвой генерала князя Хилкова приказано двигаться на Ковно, правой генерала Куруты на мѣстечко Яново по правому берегу р. Виліи. Дальнѣйшее наступленіе по обстоятельствамъ. Начало движенія съ 12-го іюня.²⁷ Рязанскій полкъ вошелъ въ составъ правой колонны, которая такимъ образомъ, переправясь черезъ Вилію, должна была тѣснить поляковъ.

съ восточной стороны въ то время, когда лѣвая колонна отрѣзывала имъ отступленіе. Позднее начало открытія военныхъ дѣйствій, какъ слѣдствіе медленнаго сосредоточенія войскъ резервной арміи, дало возможность полякамъ на время исчезнуть, что называется, безъ слѣда и во многомъ разрушило начертанный планъ операцій. Имѣя самыя неопредѣленныя свѣдѣнія о противникѣ, приходилось отыскивать его опытно.

Выступивъ 10 іюня отъ м. Рудомино полкъ въ корѣ-де-батайлъ 12-го іюня достигъ Понарскихъ высотъ подъ Вильною; авангардъ сталъ у Ваки Ковенской.

Какъ лѣвая, такъ и правая колонны слѣдовали въ этотъ день по одной дорогѣ, по причинѣ разрушенныхъ мятежниками мостовъ на боковыхъ дорогахъ. Продолжая наступленіе въ главныхъ силахъ колонны, Рязанцы 13 іюня заняли мѣстечко Евве (авангардъ въ дер. Ковчаны), а 14 выступили въ м. Жосли (авангардъ у двора Попорцы). Въ Еввѣ расположилась главная квартира арміи.²⁸

Полученныя, между тѣмъ, извѣстія понемногу выясняли обстановку. Оказалось, что колонна мятежниковъ, идущая отъ м. Рыконты къ м. Янову, отдѣлила вправо значительную часть войскъ, которая перешли Вилью при деревнѣ Бѣлозершкн и м. Чебышки и черезъ Гельваны направились къ мѣстечку Вепржу, гдѣ и перешли по мосту на правый берегъ Свенты, далѣе, что около 7 т. человекъ съ польскимъ генераломъ Дембнскимъ потянулись отъ м. Ширвинты къ городу Вилькомиру.

Вслѣдствіе такихъ извѣстій графъ Толстой до нельзя становится остороженъ, замедляетъ движеніе обѣихъ колоннъ и Рязанцы 15-го іюня дѣлаютъ ничтожный переходъ въ 10 верстъ до фольварка Сурвеле, авангардъ до двора Зубишки.²⁹

16 іюня авангардъ нашей колонны черезъ м. Ягужинъ достигъ праваго берега Вильи, противъ м. Янова, которое было занято поляками. Казаки переправились вилавь черезъ Вилью, а нѣсколько нашихъ орудій открыли огонь. Мятежники отступили; въ Яновѣ найдены большіе запасы сухарей.

Но ложные слухи не переставали тревожить графа Толстого. Такъ имѣлись свѣдѣнія, что, кромѣ Вилькомира, значительный непріятель

тельскій отрядъ стоитъ на бивакѣ при фольваркѣ Бекчи. Главнокомандующій передвигаетъ наши главныя силы 16 іюня только до двора Зубинки и требуетъ цѣлую бригаду въ подрѣзѣніе изъ лѣвой колонны «дабы въ случаѣ нужды перейти на правый берегъ Вилии и отбросить мятежниковъ на нашемъ правомъ флангѣ, въ западную часть Виленской губерніи.»

Въ Зубинкахъ оставались Рязанцы въ бездѣйствіи цѣлыхъ три дня. Такъ одна ошибка влечетъ за собою другую: сначала потеряли всякіе слѣды непріятеля, теперь знали гдѣ находятся его главныя силы, видѣли ихъ на всѣхъ пунктахъ, но не рѣшались наступать смѣло и рѣшительно.

Пока занялись постройкой моста на р. Вилии у Зубишекъ и у Янова. Съ бивака у Зубишекъ люди не отпускались по одиночкѣ, «дабы не попасть въ руки мятежниковъ, чему уже бывали примѣры.» даже за водой и дровами отправлялись не иначе какъ вооруженными командами при офицерахъ.³⁰

Передовые отряды наши между тѣмъ проникли за Вилию и Свенту, прорвавъ такимъ образомъ безъ всякаго труда оборонительную линію инсургентовъ.

Около того же времени получено было извѣстіе о кончинѣ отъ холеры Великаго Князя Константина Павловича.

Начальникъ нашей колонны, графъ Курута, бывший долго неразлучнымъ другомъ и сослуживцемъ Его Высочества, глубоко пораженный грустнымъ событіемъ, немедленно отправился въ Витебскъ, начальство надъ правой колонной принялъ 18 іюня командиръ 2-го корпуса генерала отъ кавалеріи баронъ Крейцъ. Теперь военныя операціи пошли какъ будто бы живѣе.

20 іюня авангардъ черезъ Яново продвинулся въ Жеймы, корде-батайлъ, гдѣ находились Рязанцы, сталъ у переправъ между мѣстечками Скоруль и Яновъ.

Поляки безостановочно въ большомъ замѣшательствѣ отступали въ Кейданы.

Прибывъ въ этотъ городъ, Гелгудъ рѣшился принять сраженіе и стягивалъ къ себѣ съ разныхъ мѣстъ отряды.

Атаку Кейданъ графъ Толстой намѣревался произвести сразу обѣими колоннами: лѣвой отъ Лабунова въ тылъ полякамъ въ то время, когда правая колонна атакуетъ ихъ съ фронта.

Соотвѣтствующія приказанія уже были посланы въ лѣвую колонну, но поляки не сочли удобнымъ дожидаться развитія маневра. 22 іюня главныя силы непріятеля отступили по Россіенской дорогѣ — отрядъ Роланда къ Бейсаголь, а Дембинскій къ Поневѣжу. Велѣтъ за отступившими польскими войсками потянулись и мы 22-го іюня. Скверныя дороги очень замедляли движеніе. Только казаки авангарда настигли аріергардъ мятежниковъ при дер. Янкуны и опрокинули его до дер. Пядергубы съ потерей 36 ч. У насъ ранено 7 казаковъ.³¹

На слѣдующій день авангардъ настигъ непріятеля близъ двора Гелова и послѣ незначительной перестрѣлки вытѣснилъ его изъ двора и мѣстечка Ейраголы. Поляки отступили на крѣпкую позицію за рѣкою Дубиссой, сбитые, однако, оттуда потянулись за деревню Висборъ. У д. Висборъ сталъ бивакомъ авангардъ. Рязанцы тѣмъ временемъ черезъ дворъ Гелово прибыли въ м. Ейраголы.

На слѣдующій день 24 іюня полкъ двигался по Россіенской дорогѣ къ двору Бѣлевичи, гдѣ, по извѣстіямъ отъ авангарда, поляки намѣревались оказать сопротивленіе. Но Гелгудъ, узнавъ, что всѣ мосты на Нѣманѣ сожжены и что нѣтъ надежды перебраться въ Августовское воеводство, бросился черезъ Россіены къ Шидлову. Настичь его не удалось. Полкъ сталъ бивакомъ у г. Россіены по Шавельской дорогѣ.

Вообще всѣ движенія нашихъ войскъ были чрезвычайно вялы и нерѣшительны. Рядъ промаховъ и промедленій слѣдовалъ одинъ за другимъ.

25-го іюня полкъ въ погонѣ за призраками, послѣ утомительнаго марша, остановился вечеромъ между мѣстечкомъ Шидловъ и фольваркомъ Катовицзой.

26-го іюня было незначительное дѣло авангарда въ лѣсу при деревнѣ Куржинѣ, какъ вдругъ ночью на бивакъ полка близъ двора Повицане доставлено важное извѣстіе, что поляки отъ Шавель направились въ Курляндію.

Смущенный, мучимый опасеніями, какъ бы непріятель не обошелъ насъ съ праваго фланга и тѣмъ не перенесъ бы снова войны въ Литву, графъ Толстой приказываетъ намъ на 27 число слѣдовать по большой старой Шавельской дорогѣ до двора Рекіева, а особый отрядъ генерала Кнорринга направляетъ въ промежутокъ между Шавлями и Радзивилишками.

Исполняя это приказаніе, Рязанцы съ утра 27 потянулись въ указанномъ направленіи, но на маршѣ близъ деревни Гилоры, пройдя не болѣе 10 верстъ отъ двора Повшане, внезапно были остановлены.

Оказалось, что слухъ не вѣренъ, что поляки потянулись не въ Курляндію, а влѣво на Куршаны.³²

И дѣйствительно. Ослабленная тяжелыми маршами, недостаткомъ продовольствія, унававшая духомъ польская армія не только не замышляла наступательныхъ операцій, а въ полномъ безпорядкѣ бѣжала къ Куршанамъ.

Небольшое мѣстечко, гдѣ сошлись всѣ польскіе отряды, до такой степени было переполнено орудіями, зарядными ящиками, повозками, что съ трудомъ можно было пробраться по улицамъ. О занятіи позиціи у Куршанъ не могло быть и рѣчи.

Послѣ долгихъ споровъ польскіе начальники рѣшили раздѣлить войска на три части и произвести эксцентричное отступленіе: въ то время, когда русскіе будутъ преслѣдовать одну изъ нихъ, двѣ другія могутъ уйти. Такъ и сдѣлали. Два польскихъ отряда двинулись: одинъ на Полангенъ, другой къ Ююрбургу, — третій Дембинскаго пошелъ на востокъ къ Динабургу и оттуда въ Царство Польское. Движеніе Дембинскаго принято было за обходъ и вызвало столь ложныя съ нашей стороны распоряженія.³³

Волей неволей, а пришлось ихъ отмѣнить и возвращаться назадъ такъ какъ пройти къ мѣстечку Куртовьяны, куда теперь надлежало наступать, мѣшали болота между Рекіевскою дорогою и рѣкой Дубиссой.

Вернувшись въ Повшане полкъ направился къ мѣстечку Поддубису и на рѣкѣ Дубиссѣ приступилъ къ наводкѣ моста, а ватѣмъ,

слѣдуя всю ночь на 28 іюня безостановочно, въ 8 часовъ утра занялъ м. Куртовьяны. Отъ Куртовьянъ въ тотъ же день послѣ короткаго отдыха Рязанцы передвинулись къ Саободѣ, гдѣ стали bivакомъ.³⁴

Потеряннаго времени уже ничто не могло вознаградить; поляки были спасены.

30 іюня одинъ изъ польскихъ отрядовъ Хлаповскаго первымъ перешелъ границу Пруссіи у Гудауна (Шлаугштена). Въ моментъ перехода постигъ трагическій конецъ Гелгуда: онъ былъ застрѣленъ польскимъ офицеромъ-капитаномъ 7 полка.

На русской территоріи оставался еще одинъ польскій отрядъ Роланда, который, отойдя къ Ворнамъ, въ ночь на 30 іюня отступилъ къ Ретову. Кавалерія наша преслѣдовала его довольно энергично, но наткнувшись по дорогѣ на брошенные поляками обозы, занялась грабежемъ ихъ, что дало возможность неприятелю добраться до Куле и 3 іюля, послѣ незначительнаго аріергарднаго дѣла перейти у Ново Място границу Пруссіи.³⁵

Извѣстія объ этомъ застали Рязанцевъ въ Кейданахъ, куда полкъ изъ мѣстечка Ворны прибылъ 3 іюля.

Такъ закончилось для насъ 22-хъ дневныя наступательныя дѣйствія противъ поляковъ на Литовскомъ театрѣ. Малая смѣтливость начальниковъ, недостатокъ энергіи въ операціяхъ, спасли противника, а между тѣмъ была вся возможность отрѣзать его не только отъ Прусской границы, но еще раньше и отъ Нѣмана. Какъ бы тамъ нибыло, очистивъ Литву, графъ Толстой первымъ дѣломъ распорядился дать войскамъ на нѣсколько дней отдыхъ, въ которомъ послѣ тяжелыхъ ежедневныхъ переходовъ они крайне нуждались.

Обыкновенный порядокъ движенія въ періодъ наступательныхъ маршей былъ слѣдующій: въ головѣ дивизіи 29 егерскій полкъ, отъ него высылался авангардъ, за егерями въ главныхъ силахъ Тульскій полкъ, потомъ Бѣлевскій, Рязскій и наконецъ Рязанскій; между баталіонами каждаго полка по 4 орудія, за Рязанскимъ полкомъ легкій обозъ, аріергардъ отъ Рязанцевъ и въ хвостѣ тяжелый обозъ. Отъ Рязанскаго полка, какъ аріергарднаго, наряжался караулъ въ дивизионную

квартиру изъ 2-хъ унтеръ-офицеровъ, 1 барабанщика и 40 рядовыхъ.³⁶

Тяжелая вообще служба въ арьергардѣ на этотъ разъ усложнялась большимъ беспорядкомъ, господствовавшимъ въ тылу. При неурядицѣ въ снабженіи продовольствіемъ грабежи, не смотря на строгія мѣры, не только не уменьшались, но напротивъ увеличивались. Не проходило дня, чтобы при нашемъ полку не производилась экзекуція шпицрутенами. Но къ чести Рязанцевъ должно быть отмѣчено, что за все время наступленія, собственно изъ чиновъ полка, былъ наказанъ пятьюстами ударами одинъ лишь рядовой и то фуриштадской роты.³⁷ Безъ вѣсти же за все время похода пропало 24 человекъ. Кромѣ такихъ невзгодъ, на порядокъ марша не мало вліяла также эпидемія. Первые заболѣванія холерой появились 3 іюня. Пока, до вступленія въ сферу дѣйствій противника, больные сдавались въ устроенныя по пути холерныя дома, первый такой домъ устроенъ въ деревнѣ Кончиной, впоследствии заболѣвшихъ не приказано было оставлять, а возить за полками на подводахъ, для чего по распоряженію Генерала Фрикена каждый полкъ обзавелся двумя крытыми бричками и соответственнымъ количествомъ лошадей.³⁸

Къ счастью, однако, Рязанцы отъ холеры пострадали не много. По отчету за сентябрь показано умершими 6 человекъ да столько же больными. Правда, за предъидущіе мѣсяцы похода, свѣдѣній неимѣется, однако, наличный составъ полка къ 1 іюля, т. е. ко дню окончанія наступленія (3 штаб-офицера, 29 оберъ-офицеровъ, 18 унт.-офицеровъ, 60 музык., 1024 рядовыхъ, 41 рекрутъ, 13 кантонистовъ, 88 нестроевыхъ и 70 лошадей), свидѣтельствуется объ удовлетворительномъ его санитарномъ состояніи.³⁹

Что касается дальнѣйшаго назначенія полка вслѣдъ за усмиреніемъ Литвы; то оно не замедлило скоро выясниться. Войскамъ 4-го корпуса приказано оставаться въ Виленской губерніи впредь до возстановленія въ ней полной тишины.⁴⁰

Съ этой цѣлью, послѣ пятидневнаго отдыха, 8 іюля въ общей колоннѣ дивизіи потянулись Рязанцы назадъ къ мѣстечку Куртовьяны и, слѣдуя на м. Нежонисты (9 іюля) г. Россіены, (12 іюля) м. Ейрагола, (13 іюля), прибыли 14 іюля въ Кейданы, гдѣ расположились по квартирамъ вмѣстѣ съ Тульскимъ полкомъ.⁴¹ Занятія сосредото-

чались первое время на приведению въ порядокъ зимней одежды, согласно приказа по дивизіи, но долго ли это продолжалось—неизвѣстно.

Изъ рапорта Виленскаго и Гродненскаго военнаго губернатора г. а. Храповицкаго главнокомандующему 1-й арміей видно, что 1-я и 2-я бригады 15 пѣх. дивизіи назначены расположиться въ Вильно, но и 14 августа еще тамъ не были. «Въ Виленскомъ гарнизонѣ, писалъ г. а. Храповицкій,⁴² находится сейчасъ (14 августа) баталіонъ Рязанскаго полка въ числѣ 400 чиновъ, вытребованный въ Вильно, по волѣ графа Толстого, для несенія карауловъ по недостатку гарнизона. Отъ Рязанскаго баталіона командировано для препровожденія плѣнныхъ въ г. Минскъ болѣе 100 ч. Донесенія генерала Храповицкаго, очевидно, не остались безъ результата, такъ какъ, 1 августа мы встрѣчаемъ полкъ на маршѣ бивакомъ у города Вилькомира, а затѣмъ на постоянныхъ квартирахъ по казармамъ въ городѣ Вильно.

Наличный составъ полка въ то время былъ слѣдующій: 2 штабъ-офицера, 28 оберъ-офицеровъ, 120 унтеръ-офицеровъ, 62 музыканта, 1037 рядовыхъ, 17 рекрутъ и 36 нестроевыхъ. Лошадей полковыхъ 45,—фуришадскихъ 70.⁴³

Въ Вильно полкъ не засидѣлся особенно. Уже 25-го августа управляющій главнымъ штабомъ Его Величества донесъ, что Государь Императоръ повелѣлъ главнокомандующему 1-й арміей генералъ-фельдмаршалу Остенъ-Сакену дать другое назначеніе 1-й и 2-й бригадамъ 15 пѣх. дивизіи и направить «оныя туда, куда по его благоусмотрѣнію, то нужнымъ счесть изволить.»⁴⁴

Гарнизонъ Вильны имѣли составить резервныя войска 2-го пѣх. корпуса (6 баталіоновъ) и 12 маршевыхъ баталіоновъ, слѣдующихъ на укомплектованіе 1-го и 2-го пѣхотныхъ корпусовъ.

Такимъ образомъ, по Высочайшему повелѣнію, Рязанскій полкъ покинулъ Вильно 3-го сентября и направился предварительно въ г. Бѣлостокъ.⁴⁵

Причину столь частыхъ передвиженій полка, а въ особенности послѣдняго похода, надлежитъ искать съ одной стороны въ стремленіи поддерживать спокойствіе въ только что усмиренномъ краѣ, гдѣ въ глау-

хихъ лѣсахъ бродили еще мятежныя шайки, съ другой въ общемъ положеніи дѣлѣ на главномъ театрѣ войны въ Польшѣ.

Литва была чуткимъ барометромъ происходящихъ тамъ событій. 26 августа, въ годовщину Бородинской битвы, пала Варшава—очагъ возмущенія. Польскія войска отошли къ Модлину, но не оставили сумасбродныхъ несбыточныхъ плановъ. Разбитые поговаривали даже о наступленіи въ Литву.

Какъ ни существенны были такія мечтанія, надлежало, однако, готовиться ко всякимъ случайностямъ. Утопающій хватается за соломинку.

И вотъ, Рязанцы отъ Бѣлостока вступаютъ въ предѣлы Царства Польскаго и доходятъ до города Кольно.⁴⁶

Но какъ и слѣдовало ожидать, опасенія оказались напрасны. Остатки польской арміи, слабо преслѣдуемые авангардомъ арміи князя варшавскаго, перешли границу и 23 сентября вступили въ Пруссію. Съ этого числа надлежитъ считать конецъ операціямъ на обширномъ театрѣ войны.

Для Рязанскаго полка движенія не совсѣмъ еще кончились. 2-го октября мы встрѣчаемъ его на походѣ въ Маріамполь при преслѣдованіи мятежной шайки князя Мирскаго, скрывавшейся въ сѣверной части Августовскаго воеводства. Близость прусской границы и на этотъ разъ спасли отъ плѣна поляковъ.

28 октября полкъ, переправившись черезъ рѣку Нѣманъ, вступилъ обратно въ предѣлы Россіи и расположился въ мѣстечкѣ Гутерманцахъ, откуда въ концѣ ноября перешелъ сначала на квартиры въ мѣстечко Радошкевичи, Минской губерніи, Виленскаго уѣзда, а затѣмъ въ самый городъ Минскъ. Но возбужденныя страсти покореннаго народа не скоро еще улеглись. Какъ будто и мирно отдыхая, полкъ все же не оставлялъ мѣръ предосторожности, особенно по вечерамъ и ночью. Для ротъ и полка назначены сборные по тревогѣ пункты; люди держались тѣсно, въ избахъ не менѣе какъ по два человѣка.⁴⁷

Когда, такимъ образомъ, Рязанцы безпрерывно въ теченіе 9 мѣсяцевъ странствовали по Бѣлорусскимъ и Литовскимъ дебрямъ, 3-й

резервный баталіонъ, имѣющій прямое назначеніе поддерживать боевой составъ полка, медленно формировался подъ Москвою. Въ 1-му августа онъ считалъ всего въ рядахъ своихъ: 1 штабъ-офицера, 7 оберъ-офицеровъ, 37 унт.-офицеровъ, 14 музык., 246 рядовыхъ и 14 рекрутъ и находился въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ.

Баталіономъ командовалъ Уфимскаго пѣхот. полка маіоръ Садовскій, а офицеры были: въ 3-й гренад. ротѣ прапорщикъ Герценъ; въ 7-й мушкатер. поручикъ Путятинъ и прапорщикъ Никифоровъ; въ 8-й капитанъ Суворовъ, поручикъ Лагода 3-й; въ 9-й поручикъ Балахонцевъ и прапорщикъ Фонъ-Багтевуть.⁴⁸

Октябрь и ноябрь — періодъ наибольшаго пониженія численнаго состава полка; 3-й резервный баталіонъ направился изъ Москвы къ западнымъ границамъ Имперіи, держа путь на Могилевъ. Въ 1-му января 1832 года, благодаря прибывшимъ, наконецъ, на укомплектованіе баталіоновъ резервной дивизіи 3-го пѣхот. корпуса, въ рядахъ Рязанскаго полка считалось на лицо: 1 штабъ-офицеръ, 29 оберъ-офицеровъ, 116 унтеръ-офицеровъ, 64 музыканта, 1245 рядовыхъ, 12 рекрутъ и 12 кантонистовъ; некомплектъ составляли все такъ 364 ч. рядовыхъ.⁴⁹